

УДК 902/904

В.И. Соенов, Н.А. Константинов, С.В. Трифанова

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МОГИЛЬНИКА СТЕПУШКА-2 НА АЛТАЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Работа публикуется в рамках научно-исследовательских проектов госзадания Минобрнауки РФ «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая» (код проекта 536) и РГНФ – Минобрнауки Республики Алтай «Культурно-исторические процессы на Алтае в конце I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э.» (№ 14-11-04002a(p)).

Обобщаются материалы детских погребений могильника булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени Степушка-2 (Центральный Алтай), полностью исследованного в 2010 г. Раскопанные погребения датированы в пределах второй половины III – первой половины IV в. н.э. Специфика детского погребального обряда выявлена благодаря детальному изучению особенностей объектов и состава инвентаря погребений. По мнению авторов, для населения, возведшего данное кладбище, детский погребальный обряд имел не только похоронный смысл и некоторые ритуалы, проводимые при погребении умерших детей, были направлены на благополучное воспроизводство нового потомства.

Ключевые слова: Алтай; погребальный обряд; детские погребения; гунно-сарматское время; булан-кобинская культура; Степушка-2.

Могильник Степушка-2 расположен в Центральном Алтае на западной части правобережной террасы Урсула, в 5 километрах выше от места ее впадения в Катунь. В процессе аварийных работ на памятнике нами раскопано 64 объекта [1]. Группа курганов на восточной половине мыса, обозначенная как могильник Степушка-1, исследовалась экспедицией Алтайского государственного университета [2]. Позднее мыс был полностью снесен при возведении моста и участка подъездной автодороги. Результаты исследований могильника Степушка-2 пока нами полностью не опубликованы, имеется только несколько кратких сообщений и статей [3–8]. В настоящее время нами готовятся ряд статей по полному введению в оборот материалов разных типов погребений, в том числе детских, и обобщающая монография.

Раскопанные погребения могильника Степушка-2 по элементам погребального обряда и облику предметов сопроводительного инвентаря отнесены нами к булан-кобинской культуре гунно-сарматского времени и датированы в пределах второй половины III – первой половины IV в. н.э. Большая часть серии из 13 радиоуглеродных (¹⁴C) дат, полученных в трех лабораториях, оказалась противоречивой. Несовпадение многих радиоуглеродных дат с археологической даже на эпохальном уровне не позволило уточнить хронологическую принадлежность памятника.

Группа погребений, обозначенная как Степушка-2, вместе с группой Степушка-1 составляли один некрополь. Согласно половозрастным определениям кандидата исторических наук С.С. Тур, из общего числа похороненных на этом древнем кладбище людей большинство оказалось мужчинами в возрасте от 14–16 до 50–60 лет, их доля составляет 59%. Женские погребения составляют 20%. Остальные 21% были детскими. По принятой в антропологии и медицине периодизации к детскому возрасту относят индивидов до 11 лет (девочки) и до 12 лет (мальчики) [9. С. 130]. К категории детских погребений на памятнике Степушка-2 относится восемь погребений, зафиксированных в объектах 2, 16, 17, 18а, 18, 20, 21, 22. Возраст погребен-

ных детей в тех случаях, когда удалось его установить (семь погребенных), варьирует в пределах от 1,5 до 11 лет.

Большинство детских погребений оказались одиночными. Только в одном случае ребенок 11 лет был погребен вместе с женщиной. Довольно интересна планиграфия детских погребений. Они располагались группой в центральной части могильника. Лишь одно погребение ребенка десяти лет из объекта 2 (судя по инвентарю, это была могила девочки), находилось на северном краю могильника. Погребение в этом кургане отличалось от остальных западной ориентацией, тогда как все остальные дети на могильнике Степушка-2 были уложены в могилы головой на восток или восточный сектор. Большинство могил детей были расположены с восточной стороны от ряда мужских погребений (объекты 19, 23, 26, 27), и с северной стороны от детских погребений были могилы мужчин (объекты 9 и 10). С восточной стороны располагалась группа погребений, обозначенная как Степушка-1. Таким образом, детские погребения располагались в центральной части кладбища, в окружении могил взрослых людей.

Надмогильные конструкции детских погребений представлены каменными насыпями либо кольцами. Объекты, которые мы обозначили как кольца, скорее всего, изначально представляли собой небольшие земляные холмики, обложенные по периметру камнями (объекты 16, 17 и 18). При раскопках группы курганов 18а, 22, 21, 20, расположенных вплотную друг к другу, выяснилось, что каменные насыпи развалились. Поэтому было сложно определить границы отдельных объектов. Погребения совершались под каменной или земляной насыпью в неглубоких ямах. Четыре погребения совершены в каменных ящиках, в остальных объектах внутримогильные сооружения не сохранились. В объекте 17, в котором исследовано парное погребение женщины с ребенком, в изголовье была зафиксирована каменная плита.

Детские погребения различаются содержащимся в них инвентарем. В некоторых был найден довольно

представительный материальный комплекс, в других, напротив, вещей не найдено. Из всей группы выделяются погребения в объектах 2, 20 и 22. В этих могилах, судя по инвентарю, были похоронены девочки. В объекте 2 сохранился костяк ребенка десяти лет, при котором найдены подвески из зуба марала и кости, фрагменты железного изделия, костяная туалетная щеточка [10]. В объекте 20, в котором погребен ребенок двух лет, найдены шесть бусин, железные заклепки и панцирная пластина с обломанным углом. В объекте 22, в котором погребен ребенок в возрасте шести лет, обнаружены две бусины и две серьги из бронзовой проволоки со щитком, скрученным в виде двух концентрических спиралей. В других погребениях инвентарь отсутствовал полностью или был немногочисленным. В объекте 18а, где был похоронен ребенок полутора лет, найдена лишь одна бусина. Особо стоит отметить находки обломков двух заготовок каменных жерновов ручной мельницы, зафиксированных при зачистке насыпей курганов 21 и 22. Для изготовления жерновов использованы разные породы камня.

На части кладбища, изученной нами, половина всех детских могил содержала останки индивидов до трех лет (четыре погребения), одно погребение ребенка шести лет и два погребения детей в возрасте десяти и одиннадцати лет. Судя по материалам могильника, у этой группы населения основная смертность детей проходила на первые три года жизни. По мнению исследователей, известные нам могильники не могут в полной мере отразить реальный уровень детской смертности [11. С. 61]. Это мнение может быть подтверждено несколькими фактами. Во-первых, на могильнике не было зафиксировано ни одного погребения грудного ребенка. Даже если принять во внимание то, что костяки грудных детей сохраняются гораздо хуже, все-таки должны были сохраниться погребальные конструкции, в которых могли быть похоронены младенцы. Те объекты, которые условно можно назвать могилами грудных детей (где не зафиксированы остатки или следы скелетов, например объект 12), слишком малочисленны. Для похорон грудных детей в возрасте до одного года мог существовать особый погребальный обряд, не фиксируемый археологически.

Таким образом, детский погребальный обряд на могильнике Степушка-2 представлен обычно одиночной ингумацией, совершенной в неглубоких ямах, в каменных и, возможно, комбинированных каменно-деревянных ящиках. На Степушке-2 зафиксировано только одно парное захоронение ребенка 11 лет с взрослой женщиной. На Степушке-1 также отмечено одно парное погребение, где были похоронены ребенок и убитый мужчина [6; 12. С. 260, 262. Рис. 3–7]. Почти все дети, погребенные на могильнике Степушке-2, уложены головой на восток, только костяк ребенка в объекте 2 имел ориентировку головой на запад.

Концентрация основного числа детских погребений в центральной части могильника связана с традицией обособления детских могил. Так, в долине р. Катунь известен могильник Бике I, на котором ис-

следованы почти два десятка курганов только с погребениями детей 10–14 лет и грудного возраста [13. С. 89]. Этот могильник также относится к булан-кобинской культуре и хронологически близок погребениям могильника Степушка-2. Конечно, захоронение детей отдельно от взрослых не было обязательной традицией, поскольку детские погребения, как мы видим, совершались и вместе с взрослыми. Тем не менее тенденция обособления детских могил на некрополе проявляется отчетливо.

Среди материалов детских погребений были встречены вещи, редкие для остальных могил. В первую очередь стоит отметить находки панцирной пластины и обломки каменных жерновов ручной мельницы. Для памятников булан-кобинской культуры панцирные пластины довольно редкая находка, возможно, из-за высокой ценности доспеха. Самые ранние случаи обнаружения железных панцирных пластин на Алтае зафиксированы в женских погребениях могильника Яломан-II. Скорее всего, погребенные женщины доспехом не пользовались, а пластины были положены с какими-то охранительными целями [14. С. 84]. В памятниках Алтая предтюркского времени также известны находки частей панцирей, которые находились в погребениях взрослых людей [15–18]. На Степушке-2 пластина находилась в погребении ребенка двух лет, поэтому нереально использование доспеха умершим при жизни. Находки панцирных пластин в женских и детских погребениях свидетельствуют, что эти вещи наделялись некими качествами, необходимыми в каких-то случаях для проведения погребального обряда женщин и детей.

Жернова встречены впервые среди материалов погребальных памятников булан-кобинской культуры. Как указывалось выше, они находились на насыпях курганов. Части ручных мельниц, как и другие вещи, связанные с земледелием, не укладывались в могильную яму. Фиксируя зернотерки и жернова на насыпях, многие исследователи считали такие находки более поздними подношениями, совершенными в этнографическое время. Однако в некоторых случаях жернова фиксировались в таких контекстах, что принадлежность их к одному времени с погребением не вызывает сомнений [19]. Очевидно, что использование жерновов ручных мельниц, зернотерок, серпов в погребальном обряде было устойчивой традицией у населения Алтая и сопредельных регионов. В то же время несомненно, что такие вещи укладывались в каких-то особых случаях. Можно предположить, что в данном эпизоде необходимость использования жерновов в погребальном обряде могла быть вызвана высокой смертностью детей.

По нашему мнению, именно эти две категории вещей (панцирные пластины и жернова) на могильнике Степушка-2 наиболее явно демонстрируют особое отношение населения Алтая гунно-сарматского времени к смерти детей. С глубокой древности образ женщины и ребенка был связан с продолжением жизни. Для благополучного воспроизводства потомства необходимы были некие особые действия во время погребального обряда, что и способствовало распо-

ложению этих изделий в детских могилах некрополя. Это подтверждается и находками украшений, выполнявших охранительные функции.

Итак, рассмотренная серия детских погребений демонстрирует особое отношение населения Алтая гунно-сарматского времени к детской смертности. Скорее всего, некоторые ритуалы, проводимые при погребении умерших детей, были направлены на благополучное воспроизводство нового потомства. Незначительная доля детских погребений на некрополе не отражает реальный уровень детской смертности

того периода. Это может объясняться существованием особых младенческих и детских погребальных обрядов, не фиксируемых археологически (как отмечалось выше, на могильнике не было зарегистрировано ни одного погребения грудного ребенка). Обоснованного и убедительного объяснения диспропорции мужских и женских погребений на данный момент у нас нет, поэтому необходимо продолжить исследования в этом направлении с привлечением материалов других полностью исследованных могильников Алтая гунно-сарматского времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Майминском районе Республики Алтай и аварийных раскопках на могильнике Степушка-2 в Онгудайском районе в 2010 году / Архив Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск, 2011. 441 л.
2. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-1) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 92–98.
3. Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 3–6.
4. Соенов В.И., Трифанова С.В. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2010 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 122–125.
5. Соенов В.И., Трифанова С.В. Пупарии *sarcophagidae* в погребении гунно-сарматского времени некрополя Степушка-2 (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 1 (9). С. 61–73.
6. Соенов В.И., Трифанова С.В. Погребение с пупариями мясных мух (вторая половина III – первая половина IV в. н.э., некрополь Степушка-2, Алтай) // Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени. Екатеринбург : МНЦ «Сфера общественных наук», 2014. С. 99–101.
7. Соенов В.И., Трифанова С.В. Необычное парциальное погребение на могильнике гунно-сарматского времени Степушка-2 (Алтай) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. М. : Институт стратегических исследований, 2014. С. 95–97.
8. Соенов В.И., Трифанова С.В. «Нестандартное» парциальное погребение на некрополе Степушка-2 (Алтай) // Canadian Journal of Science, Education and Culture. 2014. Vol. III, № 2 (6), (July – December). S. 470–475.
9. Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. М. : МГУ; Наука, 2005. 400 с.
10. Соенов В.И., Константинов Н.А., Константинова Е.А. Туалетные щетки в памятниках майминской и булан-кобинской культур Алтая (первая половина I тыс. н.э.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл : ТувГУ, 2014. Ч. I. С. 118–119.
11. Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск : НГПИ, 1989. С. 59–68.
12. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-1 – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Гуннский форум. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. С. 258–279.
13. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–95.
14. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 79–85.
15. Соенов В.И. Нагрудный панцирь гунно-сарматской эпохи с Горного Алтая // Российская археология. 1997. № 4. С. 181–185.
16. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
17. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : АлтГУ, 2003. Ч. I. 174 с.
18. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Ламеллярный панцирь IV–V вв. до н.э. из археологического комплекса Яломан-II на Алтае // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : АлтГУ, 2012. С. 55–59.
19. Молодин В.И., Бородавский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. 1994. № 4. С. 72–79.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 сентября 2015 г.

FEATURES OF THE CHILDREN'S BURIAL RITE IN THE STEPUSHKA-2 CEMETERY IN ALTAI (PRELIMINARY INFORMATION)

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 143–146. DOI: 10.17223/15617793/404/23

Soenov Vasilii I. Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: soyonov@mail.gorny.ru

Konstantinov Nikita A. Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: knikita1988@mail.ru

Trifanova Synaru V. Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: trifanovasv@mail.ru

Keywords: Altai; funeral rites; children's burial; Hun-Sarmatian time; Bulan-Koba culture; Stepushka-2.

In this paper we made a generalization of materials from children's graves at the Stepushka-2 cemetery (Altai). The cemetery of Stepushka-2 belongs to the Bulan-Koba culture of the Hun-Sarmatian time. In 2010, this monument was fully explored. The burials date within the second half of the third – first half of the fourth centuries AD. A detailed study of the features of the objects and the grave goods allowed discovering the features of the children's burial rite. Most of the children's graves were single burials. They were located in the central part of the cemetery, and they were surrounded by the graves of adults. The above-ground constructions were stone mounds, or ring-fences along the perimeter. The burials were in shallow pits, some in stone boxes, in others structures inside graves were probably made from wood, therefore were not preserved. Some burial had quite a lot of grave goods (pendants, a toilet brush, beads, earrings, etc.), while others had none. Among the materials from the children's burials were things not typical of

the rest of the graves: an armor plate and fragments of hand mill millstones. According to the authors, these two categories of things demonstrate the special attitude of the Altai population in the Hun-Sarmatian time to the child mortality. From ancient times, the image of a woman and a child was associated with the continuation of life. For successful reproduction of population special actions were necessary during the burial rite, which contributed to the placement of these two categories of things in children's tombs of the necropolis. This is confirmed by the findings of jewelry which performed protective functions. The authors also believe that for people who built this cemetery, the children's funeral ceremony did not have the meaning of the funeral only. Most likely, some rituals conducted at children's burials were aimed to the safe reproduction of the new posterity. The small proportion of children buried in the necropolis does not reflect the real level of child mortality of the period. This can be explained by the existence of specific infant and children's funeral rites which are not determined by archaeological methods (as presently constituted, the cemetery did not have a single burial of an infant). Currently, the imbalance of male and female burials is impossible to explain reasonably and convincingly; therefore, it is necessary to continue research in this area with the assistance of other materials from the fully investigated cemeteries of Altai of the Hun-Sarmatian time.

REFERENCES

1. Soenov, V.I. (2011) *Otchet ob arkhеologicheskikh razvedkakh v Mayminskom rayone Respubliki Altay i avariynykh raskopkakh na mogil'nikе Stepushka-2 v Ongudayskom rayone v 2010 godu* [A report on archaeological exploration in Maiminsky district of the Altai Republic and emergency excavations of the cemetery Stepushka-2 in Ongudaisky district in 2010]. Archive of the Research Center of History and Culture of the Turkic Peoples of Gorno-Altai State University. Gorno-Altai.
2. Kiryushin, Yu.F. et al. (2011) Issledovanie pogrebal'nykh kompleksov epokhi "velikogo pereseleniya narodov" v Tsentral'nom Altay (mogil'nik Stepushka-I) [Research of funerary complexes of the era of "the great migration of peoples" in the Central Altai (cemetery Stepushka-I)]. In: *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altayе 2010 g.* [Field studies in the Upper Ob and Altai in 2010]. Is. 7. Barnaul: AltGPA.
3. Soenov, V.I. (2010) Polevye arkhеologicheskie issledovaniya Nauchno-issledovatel'skoy laboratorii po izucheniyu drevnostey Sibiri i Tsentral'noy Azii [Archaeological field survey of the Scientific Laboratory for Research of Antiquities of Siberia and Central Asia]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii*. 3 (15). pp. 3–6.
4. Soenov, V.I. & Trifanova, S.V. (2011) Polevye arkhеologicheskie issledovaniya Gorno-Altayskogo gosudarstvennogo universiteta v 2010 godu [Archaeological field survey of the Gorno-Altai State University in 2010]. In: *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altayе 2010 g.* [Field studies in the Upper Ob and Altai in 2010]. Is. 7. Barnaul: AltGPA.
5. Soenov, V.I. & Trifanova, S.V. (2014) Puparii sarcophagidae v pogrebenii gunno-sarmatskogo vremeni nekropolya Stepushka-2 (Altay) [Puparia of *Sarcophagidae* blowflies in the burial of necropolis Stepushka-2 (Altai) dated back to Hun-Sarmatian time]. *Teoriya i praktika arkhеologicheskikh issledovaniy*. 1 (9). pp. 61–73.
6. Soenov, V.I. & Trifanova, S.V. (2014) Pogrebenie s pupariyami myasnykh mukh (vtoraya polovina III – pervaya polovina IV v. n.e., nekropol' Stepushka-2, Altay) [Burials with Puparia of Blowfly (second half of the 3rd century – the first half of the 4th century AD, Stepushka-2 necropolis, Altai)]. In: *Nauchnye issledovaniya v sfere obshchestvennykh nauk: vyzovy novogo vremeni* [Research in the social sciences: the challenges of modern times]. Ekaterinburg: MNTs "Sfera obshchestvennykh nauk".
7. Soenov, V.I. & Trifanova, S.V. (2014) Neobychnoe partial'noe pogrebenie na mogil'nikе gunno-sarmatskogo vremeni Stepushka-2 (Altay) ["Non-standard" partial human burial in the necropolis Stepushka-2 of Hun-Sarmatian time (Altai)]. In: *Sovremennyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Modern problems of Arts and Sciences]. Moscow: Institut strategicheskikh issledovaniy.
8. Soenov, V.I. & Trifanova, S.V. (2014) "Nestandartnoe" partial'noe pogrebenie na nekropole Stepushka-2 (Altay) ["Non-standard" partial human burial in the Stepushka-2 necropolis (Altai)]. *Canadian Journal of Science, Education and Culture*. III:2 (6), (July – December). pp. 470–475.
9. Khisanfova, E.N. & Perevozchikov, I.V. (2005) *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: Moscow State University; Nauka.
10. Soenov, V.I., Konstantinov, N.A. & Konstantinova, E.A. (2014) Tulaetnye shchetochki v pamyatnikakh mayminskoy i bulan-kobinskoy kul'tur Altaya (pervaya polovina I tys. n.e.) [Toilet brushes in Maima and Bulan-Koba cultures monuments (the first half of the 1st millennium AD)]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Vol. 1. Kyzyl: Tuva State University.
11. Troitskaya, T.N. (1989) Detskie pogrebeniya VI–V vv. do n.e. – VII–VIII vv. n.e. v Novosibirskom Priob'e [Children burial of the 6th–5th centuries BC – 7th–8th centuries AD in Novosibirsk Ob Area]. In: Troitskaya, T.N. *Ekonomika i obshchestvennyy stroy drevnykh i srednevekovykh plemen Zapadnoy Sibiri* [The economy and social system of the ancient and medieval Western Siberia tribes]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute.
12. Tishkin, A.A., Matrenin, S.S. & Shmidt, A.V. (2013) Stepushka-I – pamyatnik kochevnikov Altaya syan'biysko-zhuzhanskogo vremeni [Stepushka-I – the nomad monument of the Altai-Xianbei-Zhuzhan time]. In: *Gunnskiy forum* [The Hun forum]. Chelyabinsk: South Ural State University.
13. Kubarev, V.D., Kireev, S.M. & Cheremisin, D.V. (1990) Kurgany urochishcha Bike [The Mounds in the Bike valley]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological research on the Katun]. Novosibirsk: Nauka.
14. Gorbunov, V.V. & Tishkin, A.A. (2006) Kompleks vooruzheniya kochevnikov Gornogo Altaya khunnskoy epokhi [The nomad weapons complex of the Altai Mountains of the Hun era]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4 (28). pp. 79–85.
15. Soenov, V.I. (1997) Nagrudnyy pantsir' gunno-sarmatskoy epokhi s Gornogo Altaya [A breastplate armor of the Hun-Sarmatian era from the Altai Mountains]. *Rossiyskaya arkhеologiya*. 4. pp. 181–185.
16. Bobrov, V.V., Vasyutin, A.S. & Vasyutin, S.A. (2003) *Vostochnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka)* [Eastern Altai in the era of the Great Migration (3rd–7th centuries)]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
17. Gorbunov, V.V. (2003) *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Oboronitel'noye vooruzhenie (dospekh)* [The military science of Altai population in the 3rd–14th centuries. Defensive weapons (armor)]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University.
18. Tishkin, A.A. & Gorbunov, V.V. (2012) Lamellyarnyy pantsir' IV–V vv. do n.e. iz arkhеologicheskogo kompleksa Yaloman-II na Altayе [The lamellar armor of the 4th–5th centuries BC from the archaeological complex Yaloman-II in the Altai]. In: *Istoriya i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoy Evrazii* [History and culture of medieval peoples of the Eurasian steppe]. Barnaul: Altai State University.
19. Molodin, V.I. & Borodovskiy, A.P. (1994) Kamennyye ruchnye zhernova v drevney pogrebal'noy obryadnosti Zapadnoy Sibiri [Stone hand millstone in ancient funeral rites in Western Siberia]. *Altaica*. 4. pp. 72–79.

Received: 10 September 2015